

РАНУЛЬФ ДЕ ЛА УБЛОНЬЕР (ОК. 1225 – 1288). ЕПИСКОП ПАРИЖА

DOI: 10.25629/НС.2021.05.S5

Савельер О.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация. Должность епископа крупнейшего города средневековой Европы подразумевала не только значительную церковную власть, но и существенное влияние на социальную, политическую и экономическую жизнь региона. В статье детально раскрывается деятельность одного из малоизученных, но весьма заметных прелатов конца XIII в. – парижского епископа Ранульфа де ла Ублоньера (ок. 1225 – 1288). На его век выпало и противостояние мендикантов и белого духовенства, и борьба каноников за расширение собственных прав в кафедральном соборе, и университетский конфликт «наций». Между тем, его жизненный путь, пример нечастой успешной социальной мобильности в Средние века, незаслуженно обделен вниманием российскими историками. Да и в мировой историографии он остался почти незамеченным. Данное исследование призвано восполнить существующий пробел. Сохранилось незначительное количество документов, содержащих сведения о жизни Ранульфа, а также корпус проповедей, произнесенных им в Париже. Для реконструкции биографии епископа использованы все известные источники, однако особое место отведено речам проповедника. Выбранный ракурс исследования определил его антропологическую направленность. Акцент сделан на изучении социокультурной истории Парижа, на личности епископа, его взглядах и взаимодействии с духовенством, университетом и горожанами.

Ключевые слова: Ранульф де ла Ублоньер, средневековый Париж, Парижский университет, проповедь, городская культура.

Введение

В средневековой Европе должность епископа не ограничивалась церковными обязанностями. Главы важнейших диоцезов католического мира относились к кругу наиболее влиятельных людей своего времени. Их можно сравнить с крупнейшими светскими сеньорами: графами и герцогами. Кроме того, высшие прелаты классического Средневековья всегда принадлежали к интеллектуальной элите. Они оставили немало письменных свидетельств своей административной, социальной и религиозной деятельности. Понять личность отдельного епископа возможно лишь в контексте его эпохи.

Париж – крупнейший европейский город XIII столетия. В изучаемый период численность его населения приближалась к 200 тысячам жителей [11, р. 31]. Здесь проживали ремесленники, торговцы, юристы, люди свободных профессий, епархиальные клирики и монахи всех орденов, светские сеньоры, многочисленные школяры, мечтавшие построить карьеру, держатели таверн, цирюлен и постоялых дворов, шайки маргиналов, а также жаждущий найма пришлый люд, привлеченный вольным воздухом французской столицы. В центре этого водоворота, непривычного для провинциального жителя, оказался герой статьи – Ранульф де ла Ублоньер (ок. 1225 – 1288). Его жизненный путь – свидетельство успешной социальной мобильности, явления не слишком распространенного в Средние века, но возможного, в частности, благодаря обучению в университете и духовной карьере.

Краткий обзор историографии

В российской историографии личность и жизненный путь Ранульфа де ла Ублоньера прежде не становились предметом научного интереса. Исключение составляет моя магистерская диссертация [22]. Среди зарубежных исследований выделяется издание проповедей Ранульфа, выполненное французской исследовательницей Н. Бериу [3], сопровождаемое биографической справкой. Введение в научный оборот этих проповедей позволило заметить его и другим медиевистам, но в их работах встречаются лишь беглые упоминания, зачастую ограничивающиеся именем

епископа. Однако в начале нового тысячелетия К. Маневрье изучил небольшой круг документов из нормандского города Лизье – родины Ранульфа – и опубликовал заметку о предполагаемом начале его карьеры [16]. Я опираюсь как на выводы Н. Бериу и К. Маневрье, так и на результаты собственных исследований, записанных за ним проповедей.

Характеристика источников

Основным источником для реконструкции жизненного пути парижского епископа являются гомилии, сохранившие личные свидетельства Ранульфа. Они относятся к категории *reportationes*, т. е. проповедей, некогда действительно произнесенных публично и записанных иными клириками на слух (о разновидностях проповедей см.: 4, 2). Большая часть этих текстов, прежде всего, те, что адресованы горожанам, были прочитаны на старофранцузском языке, однако все они зафиксированы на латыни, хотя встречаются и слова на народном наречии. Таким образом, вероятны искажения, связанные со способом конспектирования и синхронным переводом. Другой особенностью этого корпуса источников является разнообразие вариантов записи имени проповедника. Существуют не менее семи вариаций первой части его имени (Arnulphus, Ranulphus, Renalpus, Renoudus, Renaudus, Renaldus, Arnaldus) и, по меньшей мере, две – второй части (de Albuneria, de Homblonaria). Установить авторство этого комплекса текстов удалось Н. Бериу [3, vol. 1, p. 39-47].

Происхождение

Средневековый интеллигент, достигший статуса магистра богословия, рассматривался всеми как «человек университета» и, судя по всему, его происхождению уже не придавали большое значение. Неудивительно, что о ранних годах Ранульфа сохранилось совсем мало сведений.

Известно, что он родился в нормандской деревушке близ Лизье, принадлежавшей тамплиерам [3, vol. 1, p. 15], вероятно, между 1220 и 1230 гг. Выводы о годе рождения основаны на сопоставлении упоминания историком-богословом К. Уденом (1638–1717) того факта, что в 1260 г. Ранульф преподавал богословие в университете [18, vol. 3, p. 490–491], и университетских статутов Р. де Курсона (1215), согласно которым стать магистром теологии можно было не ранее тридцати пяти лет. Следовательно, Ранульф должен был родиться не позднее 1225 г.

Некоторые эпизоды из его детства мы можем восстановить по текстам проповедей. Один из них – как мать учила его помогать менидиантам. Ранульфу тогда не было и десяти лет [3, vol. 2, p. 56]. Это воспоминание – одно из немногих ранних свидетельств о роли родителей в религиозном воспитании детей. Ранульфу, в целом, свойственно нежное отношение к материнству. Например, в одной из мариологических проповедей он говорит: «Между сердцами матери и сына не существует никаких посредников» [3, vol. 2, p. 315]. Другим сюжетом из детства является воспоминание о нищенствующем проповеднике, который, остановившись в их деревне, объяснил Ранульфу важность ежевечернего испытания совести [3, vol. 2, p. 39]. Третий персонаж, впечатливший его в ранние годы, был местный слабоумный, рассказывавший потешные истории. Одну из них проповедник в дальнейшем использовал в качестве поучительного примера [3, vol. 2, p. 113].

Судя по проповедям, Ранульф любил свою деревню, с теплотой называя ее *patria mea* [3, vol. 2, p. 120, 138], как и свою родину в более широком смысле – Нормандию, подчеркивая ее особый и одновременно равный соседним государствам статус: «Христос послал своих учеников нести благую весть по всему миру, а не только во Францию, Англию или Нормандию» [3, vol. 2, p. 151]. Находясь на службе в Париже, он продолжал следить за событиями в родных краях. Так, Ранульф был осведомлен, что его земляк, нормандский священник Фома Бивилльский, после своей смерти в 1257 г. стал местнопочитаемым святым, и не сомневался в его обещания католической канонизации [3, vol. 2, p. 149].

Остается загадкой, имел ли наш герой отношение к бенедиктинскому монастырю Сен-Пьер де Понтуа. Архиепископ Руана Эд Риго в дневниках визитаций 1250–1269 гг. отмечает, что в 1263–1266 гг. настоятелем этого монастыря являлся некий Radulphus de la Houblonniere. В тексте 1266 г. он фигурирует как бездарный управляющий, посмеявшийся к тому же отлучиться из монастыря во время его посещения. Риго обвинил настоятеля в плохом обращении с монахами

и, аббатству Бек, в чью юрисдикцию входил монастырь Сен-Пьер, пришлось отреагировать на критику архиепископа. 23 февраля 1267 г. место Радульфа занял другой монах. Однако маловероятно, что речь идет о нашем герое. Аббату Радульфу для карьеры в среде белого духовенства потребовалось бы разрешение на выход из монастыря, что было редким явлением и фиксировалось в документах. Согласно Н. Бериу, ни в одном источнике нет ни намека на такое упоминание [3, vol. 1, p. 17].

К. Маневрье полагает, что Радульф приходился Ранульфу родственником. Он считает, что «де ла Ублоньер» не просто указание на местность, но название рода, который следует отнести к малоземельной аристократии [16]. Судя по всему, эта семья имела прочные связи с нормандской церковной элитой. Так, в конце XII в. старостой капитула кафедрального собора Лизье был Гофрид де ла Ублоньер. Ранульф мог начать свое обучение в школе при этом соборе. Обнаружив в документах капитула Лизье 1262–1267 гг. упоминание о некоем канонике с именем R. de Houblonperia, К. Маневрье предположил, что речь идет о нашем проповеднике [16]. В акте дарения капитулу Лизье дохода с нескольких владений (март 1262 г.), относящихся к приходу Сен-Ва-ан-Ож, и выраженного суммарно сорока солидами ежегодно в день Святого Михаила, а также курицей и одним денье на Рождество [16, p. 340], фигурирует, судя по всему, тот же каноник. Однако тут он уже не загадочный «Р.», а «Регинальд» де ла Ублоньер. Если предположить, что «Регинальд» здесь – разновидность написания имени, что неочевидно, то Ранульф приехал в Париж не ранее 1267 г.

Парижский университет

Проповеди не позволяют точно датировать ни начало обучения, ни преподавания Ранульфа в Парижском университете. Все аллюзии к жизни в Париже слишком размыты. Например, рассказывая историю о влюбленном клирике, он упомянул, что услышал ее «в первый год своего обучения» [3, vol. 2, p. 114]. Говорил, что видел церковь Сен-Северин, что в Латинском квартале Парижа, до реконструкции [3, vol. 2, p. 119–120]. К сожалению, хронологические рамки ее строительства весьма широки. Цитируя в проповедях Жерара Аббевильского или Бонавентуру, он не поясняет, были ли они его преподавателями или коллегами. Таким образом, ни одно из свидетельств в проповедях не позволяет уточнить дату прибытия Ранульфа в Париж.

По крайней мере, с 1267 г. он служил настоятелем Сен-Жерве, о чем есть упоминания в приходском документе: «С согласия магистра Ранульфа, настоятеля церкви Сен-Жерве» [3, vol. 1, p. 19]. Ранульф был освобожден от обязанностей кюре не позднее 2 февраля 1273 г., что следует из текста датированной проповеди: «Так я имел обыкновение говорить, когда был настоятелем» [3, vol. 2, p. 51]. В тот же период Ранульф продолжал преподавать в университете, что отражалось на его пастырской деятельности. В одной из проповедей он сокрушался о том, что, читая лекции, не успевал за время Великого поста выслушать исповеди пяти тысяч прихожан [3, vol. 2, p. 82].

Начальный этап его карьеры, вероятно, складывался не без участия влиятельных лиц из Нормандии. В XIII в. право попечительства над церковью Сен-Жерве принадлежало то монастырю Сен-Никез де Мелан, то нормандскому аббатству Бек, которому подчинялся Сен-Никез [3, vol. 1, p. 20]. Назначение Ранульфа на службу в Сен-Жерве, вероятно, прошло не без посредничества упомянутого аббатства. Кроме того, согласно книгам податей конца XIII в., среди прихожан Сен-Жерве, насчитывавших более тринадцати тысяч жителей, было много нормандцев, прежде всего, торговцев и ремесленников, проживающих внутри городских стен [3, vol. 1, p. 20].

Н. Бериу указывает на два кводлибета, т. е. текста с вопросами и ответами к университетским диспутам, принадлежащих перу Ранульфа [3, vol. 1, p. 18]. Один из них относится к Рождеству 1274 г., а другой, вероятно, к Пасхе 1275 г. Должно быть, они были созданы через пятнадцать лет после начала обучения [6, p. 13; 12, vol. 1, p. 264]. В рубрике к одной из рукописей автора кводлибета определяют так: «Ранульф-норманец, магистр и парижский каноник» [17, f. 255r–256r], из чего следует, что к 1274 г. Ранульф уже был каноником.

Каноникат

Ок. 1273 г. епископ Этьен Тампье назначил Ранульфа одним из шестидесяти каноников собора Нотр-Дам [14, vol. 1, p. C]. В этот период капитул постоянно борется с епископом за расширение своих прав и делает это вполне успешно [21]. Мы не знаем, какую позицию занимал в этой череде конфликтов Ранульф, но ряд косвенных свидетельств заставляет думать, что он был одним из приближенных Тампье. Например, в одной из проповедей 1273 г. Ранульф даровал индульгенцию от имени епископа [3, vol. 2, p. 121]. В 1277 г. он вместе с Тампье участвовал в закрытой теологической комиссии, куда вызывали Генриха Гентского, дабы узнать его воззрения на проблему множественности форм человеческой души [3, vol. 1, p. 21].

Трудно сказать, был ли Ранульф среди составителей 219 тезисов осуждения аверроистов [1], но, судя по косвенным данным, он выступал против Сигера Брабантского. Этот факт особо обращает на себя внимание, поскольку конфликт имел не только философскую, но и политическую подоплеку. Речь идет об университетской распре, начало которой положили выборы ректора на Рождество 1271 г. На ближайший триместр был избран Альберик Реймский, представитель французской «нации» клириков. Английская и пикардийская «нации» его поддержали, а нормандская, по неизвестным причинам, отказались его признать. На следующие выборы – весной 1272 г. – нормандцев не пригласили, и они, в знак протеста, организовали свой факультет. По словам П.Ю. Уварова, нормандцы не хотели придавать своему демаршу видимость конфликта «наций», а потому избрали ректором пикардийца Сигера Брабантского. В течении нескольких лет в Университете существовало две партии: партия Альберика и партия Сигера [23]. Схизма завершилась в 1275 г. при вмешательстве папского легата. Папа поручил епископу Парижа составить список тезисов для осуждения аверроизма. Тампье, вероятно, задействовал своих ближайших помощников. Ранульф в этом случае оказывался меж двух огней. С одной стороны, как сподвижник епископа и представитель высшего духовенства он не мог не осудить аверроизм. С другой стороны, он был нормандцем. Осуждая аверроизм, он шел против своей «нации», давшей ему пребенду и возможность подняться по карьерной лестнице. К сожалению, у нас нет дополнительных источников, которые позволили бы более точно определить место Ранульфа в этом конфликте и его мотивы. Возможно, он искренне разделял позиции традиционной теологии и считал схизму внутри университета опасной. В пользу этого аргумента говорит проповедь университету, датированная 2 февраля 1273 г., то есть еще до приезда легата, в которой Ранульф упрекает школяров, что те учатся ради сборищ, а не ради очищения в знании (“*student ad congregandum, non ad purgandum*”) [3, vol. 2, p. 65–66]. Однако не исключено, что близость к епископу была для него важнее причастности к конкретному землячеству.

Став каноником, Ранульф продолжал активно проповедовать. К этому периоду жизни относятся почти все известные датированные проповеди. Они адресованы очень разной аудитории: университету, клюнийским монахам из Сен-Мартен-де-Шамп, цистерцианцам из обители Сен-Антуан, парижским бегинкам, общине раскаявшихся проституток Фий-Дье (Filles-Dieu), общине ухаживающих за больными Отель-Дье, прихожанам Сен-Жермен-л’Осеруа и Сен-Жерве, а также участникам двух рогационных процессий. Почему Ранульф все время оказывается в разных местах? Весьма вероятно, потому, что он был одновременно каноником, сподвижником епископа и магистром университета. Так, капитул опекал Отель-Дье и организовывал рогационные процессии, и надо полагать, что каноники нередко брали там слово. Общину Фий-Дье в 1226 г. основал Гийом Овернский, советник и духовник Людовика IX, епископ Парижа [19, vol. IV, p. 317]. Все его последователи продолжили нести о ней попечение. Можно предположить, что Ранульф читал там проповеди по просьбе Тампье. Аналогично в случае с вышеупомянутой проповедью в Сен-Жерве, в ходе которой он дарует епископскую индульгенцию. С другой стороны, Сен-Жерве – его бывший приход, с которым он вряд ли порывал связь. Кроме того, во многих рубриках Ранульф указан как магистр, то есть выполняющий свои обязанности перед университетом. Как минимум, некоторые из имеющих подобную помету проповедей были несомненно инициированы его *alma mater*.

Епископат

После смерти Тампье (3 сентября 1279 г.) собрание капитула избрало новым епископом Эда из Сен-Дени, но папа Николай III не согласился с выбором каноников, объяснив это нарушением процедуры голосования. Хронист из Сен-Виктор пишет предельно бесхитростно: настоящая причина состояла в том, что Эд был слишком стар. Николай III, пользуясь правом понтифика на выбор епископа, называет Жана Орлеанского, канцлера парижского университета. Однако тот просил папу отозвать свое решение, предпочитая умереть «простым братом» среди доминиканцев, в орден которых вступил незамедлительно. Озабоченный затянувшимся периодом вакансии, Николай III назначил епископом Ранульфа [8, vol. VII, p. 115–116]. Понтифик сообщил о своем выборе каноникам и королю, Филиппу III Смелому, двумя письмами, датированными 27 июня 1280 г. В них папа отмечает ученость Ранульфа и похвально отзывается о том, как тот управлял приходом Сен-Жерве (“*in statu prospero laudabiliter*”) [10]. 29 сентября 1280 г., в день Святого Михаила, состоялось рукоположение, а 9 октября, в день Святого Дионисия, он торжественно вошел в Нотр-Дам [8, vol. VII, p. 116].

О хозяйственной деятельности Ранульфа-епископа можно судить по картулярию церкви Нотр-Дам [14], картулярию Университета [7] и архивам Отель-Дье [5]. Эти документы свидетельствуют об умелом управлении епископскими землями. Он уменьшал ренту (таких актов большинство), предоставлял цензивы, принимал оммажи от вассалов. Ранульф расширял, объединял и обустривал епископские владения. Начиная с декабря 1281 г., он занимался покупкой земель и домов, прилегающих к доменам Муссо-сюр-Сен, Сен-Клу, Жантйи и Виссу [14, vol. III, p. 142, 140–141, 132, 117; vol. IV, p. 184–186]. Он приказал отреставрировать полуразрушенные здания, возвести новые строения, соорудить сараи с прессами и бережно огородить приобретенные земли, чтобы окончательно объединить их с владениями, к которым они примыкали. Судя по тому, что Ранульф активно занимался благоустройством епископских резиденций в Сен-Клу и Муссо, он охотно там останавливался. Ранульф расширил также и епископский дворец в Париже. Для этих целей была выделена значительная сумма – 500 парижских ливров [14, vol. IV, p. 91–94]. Словом, заботы, типичные для светских сеньоров, были не чужды и епископу Парижа.

Что касается правового аспекта деятельности Ранульфа, перед ним стояла непростая задача: удержать полномочия епископа, преодолевая расширение прав капитула, который в XIII в. все больше укреплял свои позиции. Папским ордонансом 1245 г. было запрещено продавать свечи в церкви, а с торговцев свечей на паперти (внешний притвор) нельзя было взимать таксу ни епископу, ни капитулу. Попытки оспорить это начались в епископат чрезмерно энергичного Тампье. В 1272 г. было достигнуто частичное соглашение относительно паперти [3, vol. III, p. 246–247], но о полном разграничении полномочий в соборе удалось договориться лишь 8 февраля 1283 г. Так, контроль над церковными старостами и охрана церкви, исключая абсиду Нотр-Дама, закрепились за капитулом [21, p. 52–56]. Очень тщательно были разделены и права на распоряжение votивными свечами [14, vol. II, p. 483–484]. Однако и после этого конфликты не прекратились [3, vol. III, p. 441].

В 1281 г. вместе с другими французскими епископами Ранульф написал прошение папе Мартину IV о внесении Людовика IX в канонизационные списки [20, p. 33]. Годом позже он оказался втянут в противостояние между мендикантами и белым духовенством. В ноябре 1282 г. епископ собрал совет по вопросу исповеди, который состоял из пятнадцати магистров теологии. Они пришли к заключению, что верующих не нужно обязывать повторять исповедь, если они уже исповедовались священнику, имеющему на то дозволение, одновременно с этим, не стоит и запрещать повторение. Однако, как выяснилось впоследствии, во время совета в епископском дворце в декабре 1286 г., решения 1282 г. не относились к монахам нищенствующих орденов, поскольку подписавшие его не считали, что у тех есть на это дозволение. В декабре 1282 г. в Париж прибыла булла Мартина IV *Ad fructes uberes*, разрешающая мендикантам проповедовать и исповедовать во всех местах, кроме тех, где они могут помешать другим священникам. Она была подписана в Орвието еще в конце 1281 г. Конфликт в среде духовенства обострился. Университет, стоящий на стороне епархиальных священников, не собирался так легко уступать часть прав

мендикантам. Партию несогласных с буллой возглавили два выдающихся магистра богословия: Гийом Маконский, епископ Амьена и королевский капеллан, и Симон из Болье, на тот момент архиепископ Буржа. Они организовали совет в Сансе (1283 г.), а затем – в Париже (1284 г.), и мы знаем, что Ранульф на них присутствовал. В 1286 г. епископ собрал всех, чтобы расставить точки над “i” относительно решений 1282 г. Но уже с 1287 г. вопрос о полномочиях снова рассматривался Святым престолом. К папе были отправлены представители французского духовенства, и Ранульф уже не участвовал в деле лично. Конфликт разрешился лишь в 1300 г. буллой *Super Cathedram* [3, vol. 1, p. 33]. В улаживании спора между менидикантами и секулярным клиром он проявил себя твердо, но сдержанно. Что соответствует его представлениям, высказанным в одной из проповедей, о том, что прелат должен руководить, а не господствовать, теша гордыню, и не пожирать, упиваясь алчностью [3, vol. 2, p. 185].

Остановимся еще на одной проблеме, корни которой уходят во времена предшественника Ранульфа. Вместе со взглядами аверроистов 1277 г. были осуждены и некоторые положения учения Фомы Аквинского. Один из его учеников, Эгидий Римский, в тот момент был вынужден покинуть Париж. В 1285 г. Ранульф испросил у папы Гонория IV разрешение собрать большую ассамблею магистров теологии, на которой Эгидий отрекся от осужденных Тампье тезисов, на преподавании которых он ранее настаивал. Ассамблея подтвердила его степень бакалавра и магистра теологии и разрешила ему преподавать [3, vol. 1, p. 33].

Другие акты, сохранившиеся в составе картулярия Нотр-Дам, касаются отношений епископа с госпиталями и религиозными общинами. Это рекомендательные письма в монастырь для горожан, дозволение на увеличение количества монахов в той или иной обители, разрешение проводить службы в капелле больницы Кенз-Вен и – последний его акт (июнь 1287 г.) – в капелле коллежа Бон-Анфан. Заботясь о том, чтобы его установление не стесняло настоятеля соседней церкви Сен-Николя-дю-Шардоне, к чьему приходу относилась капелла Бон-Анфан, Ранульф установил множество ограничений: никаких воскресных месс и месс в дни праздников, каждое причастие и благословение после родов должно быть согласовано с приходским кюре, на территории капеллы также не должно быть ни освященной воды, ни освященного хлеба, ни кладбища, ни колокола, который было бы слышно снаружи [3, vol. 1, p. 30].

Перейдем к пастырской деятельности Ранульфа. Наиболее значительным выступлением епископа можно считать проповедь в университете 7 февраля 1283 г. Она пронизана идеями единства и сохранения мира. На протяжении многих лет университет раздирали противоречия. Английская и пикардийская «нации» спорили о старшинстве. Не прекращались дебаты о праве менидикантов проповедовать и исповедовать. Магистры побудили Рим начать процесс против их канцлера Филиппа де Туари. И, наконец, университет организовал забастовку по случаю ареста магистра медицинского факультета, рискуя подорвать и без того напряженные отношения с королевской властью. Обратившись к аллюзиям на волнения, которые публика наблюдала ежедневно, Ранульф старался восстановить мир в университетской среде, которая отныне также являлась частью его паствы [3, vol. 2, p. 164–165]. По традиции епископ должен был брать слово в соборе Нотр-Дам ежегодно в пепельную среду. Но ни один из слушателей не оставил нам свидетельств об этих выступлениях Ранульфа. Зато 7 февраля 1283 г. сразу несколько клириков конспектировали его проповедь о мире, что, вероятно, не было случайностью.

Ранульф умер 12 ноября 1288 г. Его завещание, судя по всему, утеряно [3, vol. 1, p. 33], но книга записи умерших собора Нотр-Дам хранит его предсмертное распоряжение: установить ежегодное празднование дня Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии, на которое он завещал 300 парижских ливров, получаемых капитулом с ренты [3, vol. 1, p. 34]. Это торжество Эд Риго назвал в 1266 г. праздником нормандской «нации» (*in festo nationis normannicae*) [15, p. 1066], которой Ранульф, вероятно, остался предан душой до самой смерти.

Библиография

1. Bataillon L.-J. Bulletin d'histoire des doctrines médiévales: la fin du XII siècle // *Revue des Sciences philosophiques et théologiques*. 1974. Vol. 58, no. 1. P. 103–140.

2. Bataillon L.-J. Sermons rédigés, sermons réportés (XIIIe siècle) // *Medioevo e Rinascimento*. 1989. Vol. 3. P. 69–86.
3. Bériou N. La prédication de Ranulphe de la Houblonnière. Sermons aux clercs et aux simples gens à Paris au XIIIe siècle. Paris: Études augustinienes, 1987. 2 vol. 224 p., 414 p.
4. Bériou N. Les sermons latins après 1200 // *The Sermon* / Ed. B.M. Kienzle. Turnhout: Brepolis, 2000. P. 363–447.
5. Brielle L., Coyecque E. Archives de l'Hôtel-Dieu de Paris (1157-1300). Paris: Imprimerie nationale, 1894. 708 p.
6. Daunou P. Histoire littéraire de la France. Paris: Firmin Didot, 1843. Nedeln/Liechtenstein: Kraus reprint, 1971. T. XX. 812 p.
7. Denifle H., Châtelain A. Cartularium Universitatis Parisiensis. Paris: Ex typis Fratrum delalain, 1889. T. I. 749 p.
8. Gallia christiana. Paris: Typographia regia, 1744. T. VII. 282 col.
9. Gane R. Un group social à Paris au XIV siècle: le chapitre canonial de Notre-Dame // *Villes et sociétés urbaines au Moyen Âge*. Paris, 1994. P. 233–240.
10. Gay J. Registres de Nicolas III (1277–1280). Paris, A. Fontemoing et Cie [puis] E. De Boccard, 1916–1938. 487 p.
11. Geremek B. Paris la plus grande ville de l'Occident médiéval? // *Acta Poloniae historica*. 1968. T. 18. P. 18–37.
12. Glorieux P. La littérature quodlibétique de 1260 à 1320. Kain: Le Saulchoir, 1925. T. I. 382 p.
13. Glorieux P. Prélats français contre religieux mendiants. Autour de la bulle: “Ad fructus uberes” (1281–1290) // *Revue d'histoire de l'Église de France*. 1925. Vol. 11, Num. 52. P. 309–331.
14. Guérard B. Cartulaire de l'église Notre-Dame. Paris: l'Imprimerie de Crapelet, 1850. T. I–IV. 470 p., 546 p., 552 p., 492 p.
15. Le Bachelet X. Immaculée Conception // *Dictionnaire de théologie catholique*. T. VII/1. 1927. P. 1066.
16. Maneuvrier C. De la campagne normande à l'évêché de Paris. Note sur la carrière de Ranulphe de la Houblonnière, célèbre prédicateur parisien du XIIIe siècle // *Annales de Normandie*. 2005. № 55-4. P. 333–340.
17. Manuscript BNF, Paris, Arsenal 379.
18. Oudin C. Commentarium de scriptoribus ecclesiae antiquis. Leipzig, Bibliopoliae, 1722. V. III, 2760 col.
19. Raunié É. Épitaphier du vieux Paris. Paris: l'Imprimerie nationale, 1914. T. IV. 502 p.
20. Registres de Martin IV (1281–1285). Rome: École Française de Rome, 1901. 332 p.
21. Timbal P., Metman J. L'évêque de Paris et le chapitre de Notre-Dame: la juridiction dans la cathédrale au Moyen Âge // *Revue d'histoire de l'Église de France*. Paris, 1967. V. 50, № 147. P. 47–72.
22. Савельер О.В. Проповеди Ранульфа де ла Ублоньера (ок. 1225 – 1288) как исторический источник / *Mag. дисс. М.*, 2018. 195 с.
23. Уваров П.Ю. Французская модель университета и «нации» [Электронный ресурс] // *Россия и мир: панорама исторического развития*. URL: <http://elar.ufr.ru/handle/10995/19644>. (Дата обращения: 29.04.2021)

Савельер Оксана Викторовна. Аспирант кафедры истории средних веков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: acharnee@inbox.ru

RANULPHE DE LA HOUBLONNIÈRE (C. 1225 – 1288). BISHOP OF PARIS

DOI: 10.25629/HC.2021.05.S5

Savelier O.V.

Lomonosov Moscow State University

Abstract. Being the bishop of the largest city in medieval Europe meant exercising not only ecclesiastical power, but also seriously influencing the social, political and economic life of the diocese. This article reveals the activities of one of the most remarkable bishops of Paris of the 13th century, Ranulphe de la Houblonnière. His biography remains unknown in Russia and very little studied abroad. Striving to reconstruct it the author of this article made use of all the identifiable sources, mainly documents and especially Ranulphe's own sermons. This article is basically a study in cultural anthropology and the socio-cultural history of Paris, with the emphasis on the personality of the bishop, his views and interaction with the Parisian clergy, the University and the townspeople.

Key words: Ranulphe de la Houblonnière, medieval Paris, University of Paris, sermon, urban culture.

References

1. Bataillon L.-J. Bulletin d'histoire des doctrines médiévales: la fin du XII siècle // *Revue des Sciences philosophiques et théologiques*. 1974. Vol. 58, no. 1. P. 103–140.
2. Bataillon L.-J. Sermons rédigés, sermons réportés (XIIIe siècle) // *Medioevo e Rinascimento*. 1989. Vol. 3. P. 69–86.
3. Bériou N. La prédication de Ranulphe de la Houblonnière. Sermons aux clercs et aux simples gens à Paris au XIIIe siècle. Paris: Études augustinienes, 1987. 2 vol. 224 p., 414 p.
4. Bériou N. Les sermons latins après 1200 // *The Sermon* / Ed. B.M. Kienzle. Turnhout: Brepolis, 2000. P. 363–447.
5. Briele L., Coyecque E. Archives de l'Hôtel-Dieu de Paris (1157-1300). Paris: Imprimerie nationale, 1894. 708 p.
6. Daunou P. Histoire littéraire de la France. Paris: Firmin Didot, 1843. Nedeln/Liechtenstein: Kraus reprint, 1971. T. XX. 812 p.
7. Denifle H., Châtelain A. Cartularium Universitatis Parisiensis. Paris: Ex typis Fratrum delalain, 1889. T. I. 749 p.
8. Gallia christiana. Paris: Typographia regia, 1744. T. VII. 282 col.
9. Gane R. Un group social à Paris au XIV siècle: le chapitre canonial de Notre-Dame // *Villes et sociétés urbaines au Moyen Âge*. Paris, 1994. P. 233–240.
10. Gay J. Registres de Nicolas III (1277–1280). Paris, A. Fontemoing et Cie [puis] E. De Boccard, 1916–1938. 487 p.
11. Geremek B. Paris la plus grande ville de l'Occident médiéval? // *Acta Poloniae historica*. 1968. T. 18. P. 18–37.
12. Glorieux P. La littérature quodlibétique de 1260 à 1320. Kain: Le Saulchoir, 1925. T. I. 382 p.
13. Glorieux P. Prélats français contre religieux mendiants. Autour de la bulle: “Ad fructus uberes” (1281–1290) // *Revue d'histoire de l'Église de France*. 1925. Vol. 11, Num. 52. P. 309–331.
14. Guérard B. Cartulaire de l'église Notre-Dame. Paris: l'Imprimerie de Crapelet, 1850. T. I–IV. 470 p., 546 p., 552 p., 492 p.
15. Le Bachelet X. Immaculée Conception // *Dictionnaire de théologie catholique*. T. VII/1. 1927. P. 1066.

16. Maneuvrier C. De la campagne normande à l'évêché de Paris. Note sur la carrière de Ranulphe de la Houblonnière, célèbre prédicateur parisien du XIIIe siècle // *Annales de Normandie*. 2005. № 55-4. P. 333–340.

17. Manuscript BNF, Paris, Arsenal 379.

18. Oudin C. *Commentarium de scriptoribus ecclesiae antiquis*. Leipzig, Bibliopoliae, 1722. V. III, 2760 col.

19. Raunié É. *Épitaphier du vieux Paris*. Paris: l'Imprimerie nationale, 1914. T. IV. 502 p.

20. *Registres de Martin IV (1281–1285)*. Rome: École Française de Rome, 1901. 332 p.

21. Timbal P., Metman J. L'évêque de Paris et le chapitre de Notre-Dame: la juridiction dans la cathédrale au Moyen Âge // *Revue d'histoire de l'Église de France*. Paris, 1967. V. 50, № 147. P. 47–72.

22. Savelier O.V. *Propovedi Ranul'fa de la Ublon'era kak istoricheskii istochnik*. Magist. Diss. [The sermons of Ranulphe de la Houblonnière (c. 1225 – 1288) as a historical source]. Moscow, 2018. 195 p. (In Russian).

23. Uvarov P.Yu. The French model of the university and the “nation”. *Rossia I mir: panorama istoricheskogo razvitiya* [Russia and the world: a panorama of historical development]. (In Russian). Available at: <http://elar.ufr.ru/handle/10995/19644>. (Accessed 29.04.2021).

Savelier Oksana Viktorovna. Postgraduate Student, Department of Medieval History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University. E-mail: acharnee@inbox.ru